

Необходимое предисловие

Я сразу предупрежу о том, что в творческий разговор творческого издания внесу некоторую, что называется, бухгалтерию. Но чтобы любой разговор стал плодотворным, необходимо до его начала договориться о смысле терминов и понятий.

Мне кажется, в подтексте заданного мне вопроса подразумевается, что речь идет о политическом выборе. Это и примем за исходный момент. Стоит также определить, что именно мы называем выбором. Наверное, выбор – это осуществление, актуализация нашей человеческой свободы. Но тогда надо еще уточнить, какая вообще бывает

свобода.

Я думаю, вполне очевидно, что есть разные уровни (а может быть, виды) свободы и, соответственно, выбора.

Первый уровень – бытовой, обиходный, когда каждый из нас ежедневно решает, например, какой сорт молока, пива или хлеба купить, куда пойти вечером и т.д.

Второй уровень свободы – социальный (выбор образования и профессии в юности, выбор места работы, хобби и т.д.).

Третий уровень – политический, когда мы можем (или не можем) участвовать в выборе пути для целого народа, государства.

Эти уровни свободы, наверное, можно обозначить как общественные, ведь в них человек

может осуществлять свой выбор только вместе, сообща с другими. Понятно, что из общественных уровней свободы именно политический – самый глобальный и всеобъемлющий.

Человека можно лишить любого из этих трех уровней выбора. Люди постарше помнят времена, когда пиво, например, было одного-единственного сорта – «Жигулевское», а колбасы в магазинах и вовсе никакой не было. Насчет политического выбора тоже не надо напоминать: какой он был у народа при советской власти, знают все. Но при этом социальной свободы было достаточно, и каждый из нас реально мог выбрать в молодости профессию по душе, получить образование (что мы и делали). А вообще эти три свободы в реальной истории могут

сосуществовать в самых разных сочетаниях.

...Теперь уточнить бы, что такое народ в его отношении к свободе. Народ в любом обществе, при любом политическом устройстве – консервативная, сохраняющая сила, и такой она должна быть по определению. Народ – прошу прощения за тавтологию! – это, если можно так сказать, сила сохранения жизненной силы. И пока в обществе, в государстве жизнь идет более-менее нормально – никакой политической свободы, я это подчеркиваю, народу не нужно. Ну разве так, иногда надо лишний пар выпустить. Но!..

Но все это – до поры-до времени.

А точнее – до переломного момента Истории. И когда этот переломный

момент наступает – вот тут уж выбор народа как политическая свобода актуализируется до «дальше некуда».

А что думают классики?

Классики великой русской литературы – это не только художественные гении, это еще и очень умные люди, великие мыслители. Зеркала, которые они держат «перед природой» (У.Шекспир), никогда не кривы, всегда реально отражают историю. Поэтому, если предметом классической драмы становится именно переломный момент – читатель видит, что этого самого выбора у русского народа хоть захлебнись.

Надеюсь, кому-то уже понятно, что теперь логично и естественно

перейти к «Борису Годунову» - самой народной и самой свободной драме всей русской литературы. Но почему она такая? Потому что Пушкин - гений, это понятно. Но еще потому, что предмет ее - самый переломный момент всей русской истории. Ни до ни после не было у русского народа такой бездонной, такой космической свободы, как в Смутное время. Потому что в эти 10-15 лет вопрос стоял просто и конкретно: быть или не быть России. И народ вполне мог выбрать второй вариант ответа. И хотя в «Борисе Годунове» нет самого Смутного времени с его почти буквальным пожиранием людьми друг друга, но вызревание этой бездонной свободы выбора - о нем-то и написана драма.

Что же это за выбор?

Это выбор всего строя жизни, исторической судьбы и самого миропорядка. А в рамках «Бориса Годунова» - это избрание на трон Самозванца. Но нет, не Самозванца! Настоящего царевича Димитрия, который чудом спасся от смерти. Ведь именно так эта ситуация воспринимается и оценивается народом. Это бояре знают, что он фальшивый наследник, но принимают его из политических интересов, а народ верит в его подлинность.

Но - до поры-до времени. До того времени, как по приказу Самозванца на глазах у всех убивают малолетних Федора и Ксению Годуновых. С этой минуты настроение и «приоритеты» народного сознания меняются резко и бесповоротно. «Мнение народное», которое раньше так

горячо поддерживало Самозванца, в одно мгновение выносит ему приговор. Этот приговор Пушкин передает одной ремаркой – «народ безмолвствует».

(Кстати, маленькая сноска. Когда эту фразу цитируют как доказательство народного бесправия и покорности, становится и грустно, и смешно. Ведь надо же и тексты читать! Народ безмолвствует в ответ на призыв кричать: «Да здравствует царь Димитрий Иванович!». Довольно странная покорность, вам не кажется?)

С этого народного безмолвия и начинается, по Пушкину, - да и в реальной истории тоже - возрождение России после Смутного времени.

В XIX веке эта пора несколько раз становилась предметом исторических пьес – в трилогии А.К.Толстого, в нескольких пьесах А.Н.Островского, в пьесах менее известных авторов. Только у всех перечисленных это были именно исторические пьесы. А у Пушкина – современная, сегодняшняя. И не в смысле намеков и аллюзий, а в смысле вечности темы.

Но повторю: народ становится реальным коллективным героем Истории только в переломные ее моменты. И наши классики это понимали. А если мы изображаем жизнь в ее более-менее спокойном течении – то где он, народ? А он – глядь! – рассыпался на миллионы отдельных людей.

Но разве эти отдельные люди, отдельные судьбы менее

интересны? Вспомним Лермонтова: «История души человеческой, хотя бы и самой мелкой души, едва ли не интереснее и не полезнее истории целого народа, особенно, если она – плод размышлений ума зрелого».

А почему, собственно? Да потому, что личность обладает еще двумя уровнями свободы, а значит, и выбора, которых нет у народа, у общества в целом. Это выбор нравственный и духовный. Оба эти выбора могут осуществляться только в одиночку, только лично. Зато ни нравственного, ни духовного выбора у человека отнять невозможно никогда. Именно потому, что это личный уровень свободы. И даже когда человек лишается свободы во всех остальных (общественных) смыслах – он остается свободным нравственно и духовно. В неволе

продолжает действовать нравственная свобода (и сегодня мы об этом знаем в деталях из богатейшего опыта ГУЛАГа), а духовная свобода вообще остается у человека до тех пор, пока он сохраняет ясность ума, пусть даже он навсегда прикован к больничной койке. Потому что духовная свобода – это возможность сердцем и умом обратиться в любой ситуации к Богу – или к Его взбунтовавшемуся творению дьяволу. И это тот окончательный выбор, который и есть главное содержание нашей жизни и нашей судьбы.

...И еще о русской драматургии. Наш самый великий драматург (не самый гениальный, а именно самый великий) А.Н.Островский все лучшие свои пьесы писал об одном – о борьбе человека с властью денег. О его поражениях в этой

борьбе, или же – о редких победах, как в случае с Несчастливцевым. И в этом смысле все лучшие его драмы – бытовые, плотяные, «денежные». Кроме одной, моей любимой – «Грозы».

«Гроза» – это как бы «Борис Годунов» Островского. Только у Пушкина главный герой – народ, а у Островского – личность. Личность, полностью осуществившая свою абсолютную человеческую – нравственную и духовную – свободу. И понявшая в итоге, что за абсолютную свободу приходится платить абсолютную плату. Если ты ошибся в выборе...

Итого

Из сказанного, я надеюсь, следует, что политический выбор у народа (не только русского, а любого!)

существует далеко не всегда, а лишь в переломные, кризисные моменты его истории. И это не хорошо и не плохо – это объективная реальность миропорядка, только и всего.

Но свобода выбора нравственного и духовного для каждого человека существует, к несчастью, всегда. К несчастью, потому что каждый из нас так часто ошибается в этом выборе, а за ошибки неизбежна расплата.

Но зато какое счастье, что наша свобода не заканчивается на политическом уровне. Если б у человека вдруг был отнят нравственный и духовный выбор, если б главной нашей свободой стало – за кого проголосовать в очередной день X: за КПРФ, СПС, ЕР или ЛДПР – какая беспробудная

тоска наступила бы на земле! И так бессмысленна бы стала жизнь, что лучший выход был бы – взять пистолет и застрелиться!

А так – хотя и трудно, но можно жить. Жить – и хотя бы изредка ощущать себя человеком.

*Впервые опубликовано в
театральном журнале
«Станиславский»*